

Бой загнанного зверя

В Летающей облачной башне ярко горели огни.

Мудрец каллиграфии сидел за столом с полуприкрытыми глазами и молча слушал доклад.

— ...Вот так всё и было, прошу вас рассудить. Этот Сун Цяньцзи, хоть и имеет связи со многими совершенствующимися-девами и в «цветочном павильоне» чувствует себя как рыба в воде, болтая и смеясь, на самом деле — истинный благородный муж, который ценит цветы, но не любит распутства.

— Мы исчерпали все средства и больше ничего не можем с ним поделать, — с горечью закончил лавочник Хуа. — Что нам делать дальше, решать только вам.

Выслушав, Мудрец каллиграфии открыл глаза. Он был в восторге, но нарочито строгим голосом спросил:

— Значит, вы признаёте своё поражение?

Атмосфера стала напряжённой.

— Мы полностью и безоговорочно признаём! — стиснув зубы, ответили все хором.

Мудрец каллиграфии рассмеялся, от смеха он стучал по столу, и чернила в старинной тушечнице слегка подрагивали.

— Хорошо, хорошо, вы все славно потрудились!

Лавочники и работники в один голос ответили, что не заслуживают похвалы, но, видя радость Мудреца, тоже заулыбались.

— Однако есть ещё одна странность, — с сомнением сказал лавочник Хуа.

— Говори, не стесняйся! — великодушно махнул рукой Мудрец.

— Я предложил Сун Цяньцзи научить его «искусству сокрытия облика», но он без раздумий отказался. Мне показалось, что он не очень-то заинтересован в изучении техник и повышении своего уровня...

Чем больше говорил лавочник Хуа, тем тише становился его голос.

Вэй Пин после знакомства с обитателями тёмной лавки сегодня учился у него искусству сокрытия облика, завтра — у кузнеца Чжана оружейному делу, послезавтра — у владельца аптеки алхимии. В общем, он обманом и лестью выманивал у них все их секреты. Но Вэй Пин, считая себя вольным странником, наотрез отказывался изучать искусство талисманов и не хотел становиться преемником какого-либо могущественного мастера.

А Сун Цяньцзи был ещё более странным — он называл себя земледельцем.

Какой совершенствующийся не захочет изучать новые техники, а захочет лишь копаться в земле?

Лавочник Хуа не решался озвучить то, что вертелось у него на языке: «Ученики, которых вы выбираете, не хотят быть вашими учениками».

Для престарелого Мудреца каллиграфии это было бы слишком жестоко.

Выживание и продолжение рода — два самых сильных инстинкта человека, заложенные в его плоти и крови.

Для совершенствующихся отсутствие кровных наследников — обычное дело, но не иметь ученика, который унаследует твоё мастерство, — значит действительно прервать свой род.

Мудрец каллиграфии не мог вознестись, но его жизнь была яркой и славной, и он не должен был уйти с сожалением.

Сколько ещё в мире таких, как Вэй Пин и Сун Цяньцзи? Сколько ещё времени было у Мудреца на поиски и обучение ученика?

Лавочнику Хуа стало горько на душе.

Лицо Мудреца каллиграфии слегка напряглось, но затем он твёрдо сказал:

— Сун Цяньцзи просто не заинтересован в искусстве сокрытия облика! Не то что этот Вэй Пин, который хочет всё и сразу.

Он будто объяснял, а будто убеждал самого себя:

— Сун Цяньцзи и так умеет писать талисманы, он ещё и на мою гору позарился, и сам записался на «испытание каллиграфии и живописи». Успокойтесь, он пришёл именно за мной.

Посмотрим через три дня на состязании, он непременно покажет всю силу своей кисти и завоюет победу!

Ясная луна вышла из-за облаков, озаряя тысячи вершин.

Дворец Цянькунь купался в серебряном лунном свете, его глазурованная черепица и изогнутые карнизы сверкали.

Пятицветные карпы уплывали в глубину туманных облаков.

На площади перед главным пиком всё ещё было полно народу.

На других аренах бои уже закончились. Поэтому все собрались вокруг арены «Небо-два», ожидая исхода последнего поединка.

Противник Мэн Хэцзэ в этом круге был немного выше его по уровню развития и, к тому же, опытен, в отличие от предыдущего, которого легко было вывести из себя.

Его стиль фехтования был выверенным и безупречным, создавая непробиваемую стену. Мэн Хэцзэ же, вооружённый острым клинком, был тем, кто должен был пробить эту стену, раз за разом находя слабые места для атаки.

Чем дольше он сражался, тем яростнее становился. Даже медную стену он был готов проломить.

С трибун то и дело раздавались одобрительные возгласы.

Мэн Хэцзэ оставался хладнокровен, не позволяя близкой победе вскружить ему голову.

Заметив, что противник начал отступать, он ринулся в атаку.

Именно в этот момент до его ушей донёсся насмешливый голос, переданный с помощью техники передачи звука:

«Ты тут так браво сражаешься, а твой старший брат Сун вот-вот погибнет!»

Мэн Хэцзэ вздрогнул.

Он не должен был этого слышать. Каждая арена была окружена защитной формацией, за которой следил дьякон. Но дьякон в этот момент оставался безучастен.

По правилам соревнований, зрителям запрещалось передавать звуковые сообщения на арену, чтобы никто не мог тайно подсказывать или мешать участникам.

Этот голос был ему знаком, он слышал его у ворот Двора Суна.

На мгновение отвлекшись, он увидел, как меч противника резко изменил направление.

Мэн Хэцзэ не успел среагировать и, повинуясь инстинкту, отбил клинок, но тут же получил мощный удар кулаком в грудь.

Он глухо застонал, и на его губах показалась кровь.

Удар мечом был обманным манёвром, а настоящий удар был нанесён кулаком. Противник разжал пальцы, демонстрируя сверкающие серебром перчатки.

Эти перчатки были магическим оружием среднего ранга.

— Деньги получил, работу выполнил, не обижайся, — тихо сказал противник, отступая.

— Старший брат Мэн, берегись!

Ситуация на арене неожиданно изменилась.

— Что происходит? Старший брат Мэн как будто рассеян! — с тревогой закричали ученики внешней школы с трибун.

Взгляд Мэн Хэцзэ похолодел. Он крепче сжал меч и ринулся в яростную атаку.

В мгновение ока тени мечей сплелись, они обменялись двадцатью ударами.

И снова в ушах раздался голос:

«Таких мастеров ступени Создания основы, как ты, мы нашли двенадцать человек, и все они отправились к озеру Яогуан бить Сун Цяньцзи, ха-ха!»

«Кто хочет навредить старшему брату Суну? Кто смеет?!»

Мэн Хэцзэ в пылу боя поспешно обернулся. В толпе зрителей мелькнуло несколько зелёных фигур.

Он внезапно согнулся, скорчившись, как креветка, в жалком положении.

Противник отвёл кулак, на его лице играла самодовольная улыбка.

Уголок глаза Мэн Хэцзэ дёрнулся.

Он внезапно что-то понял, и его сердце охватил гнев.

Они все в сговоре: дьякон, тот, кто передавал сообщения, и его противник на арене.

С того момента, как он ступил на эту арену, он был зверем в клетке.

Злорадный смех в его ушах смешивался с испуганными криками с трибун.

Мэн Хэцзэ почувствовал острую боль в животе и привкус крови во рту. Он закашлялся, выплюнув сгусток крови.

«Наверное, сломаны два ребра, — подумал он, — внутренние органы не задеты»

Прекрасный танец лепестков из предыдущего боя казался теперь лишь сном. Сладкий сон закончился.

Мир совершенствующихся сорвал с себя маску, обнажив свою жестокую сущность.

Он словно сорвался с лестницы бессмертия и падал всё ниже и ниже, пока не рухнул в адское пламя, которое испепелило его тело и выжгло душу.

И снова голос:

«Сдавайся, твоего старшего брата уже пора в лазарет нести!»

— А-а-а!

Глаза Мэн Хэцзэ налились кровью. Оперевшись на меч, он поднялся и издал яростный рёв!

Энергия меча взметнулась, одежда затрепетала на ветру.

Противник был ошеломлён его внезапным взрывом силы.

Он отступил на два шага и, не успев восстановить равновесие, увидел, как меч обрушивается на него сверху.

— Я сдаюсь! — предчувствуя неладное, закричал противник.

Но Мэн Хэцзэ был быстрее.

Он никогда не наносил удары с такой скоростью и жестокостью.

Он всегда считал себя порядочным и благородным человеком, соблюдающим правила и этикет. Он строго контролировал себя, подавляя тёмные и крайние стороны своего характера.

Раздался душераздирающий крик.

Противник вылетел с арены, его руки и ноги были переломаны.

Некоторые девушки на трибунах в ужасе закрыли лица руками.

Прибежали медики с носилками. Ночной ветер не мог развеять запах крови.

— Если с моим старшим братом что-то случится, вы все заплатите кровью, — холодно сказал Мэн Хэцзэ, обводя взглядом толпу.

Его голос был негромким, немного хриплым, что делало его ещё более устрашающим.

На трибунах воцарилась мёртвая тишина, все были в шоке.

Никто не понимал, о чём он говорит.

Они видели лишь его мрачное, пугающее лицо и налитые кровью глаза, как у кровожадного зверя.

Дьякон, встретившись с ним взглядом, не решался подойти, и никто не объявлял победителя.

Мэн Хэцзэ спрыгнул с арены, не обращая внимания на изумлённую толпу.

Площадь была забита людьми, но он, словно птица, пролетел над их головами.

Озеро Яогуан было чёрным как смоль, вода — тихой, вокруг — ни души.

Он, превратившись в тень, помчался к Двору Суна во внешней школе.

Толкнув алые ворота, он увидел пустой двор.

— Старший брат Сун!

Сердце Мэн Хэцзэ ухнуло вниз. Его духовная энергия вышла из-под контроля, грозя разорвать меридианы. В его воображении мелькали картины кровавой бойни, которую он устроит.

— Ты меня ищешь?

Раздался знакомый голос. Мэн Хэцзэ резко обернулся.

— А ты быстро бегаешь, — улыбнулся Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ неотрывно смотрел на лицо Сун Цяньцзи, будто не веря своим глазам, будто не узнавая его.

Спустя долгое мгновение кровь отхлынула от его глаз, безумное выражение исчезло, и в его взгляде снова зажглась жизнь.

— Старший брат Сун, ты, ты в порядке?! — с радостью воскликнул он.

— У меня есть дела. Мне нужно сажать лотосы, — поправил его Сун Цяньцзи, входя во двор.

— Ты в порядке, ты в порядке, как хорошо... — пробормотал Мэн Хэцзэ.

Он моргнул, и из его глаз чуть не потекли слёзы.

— Я в порядке, чего ты плачешь? — Сун Цяньцзи заметил, что что-то не так, и, похлопав его по плечу, тихо спросил: — Кто тебя обидел? Тебя побили?

Сун Цяньцзи почувствовал одновременно и досаду, и смех.

«В прошлой жизни, если кто-то тебя обижал, ты мог одним ударом снести его гору, разгромить его пещеру и вырезать всю его семью, включая кормилицу. А в этой жизни ты бежишь жаловаться своему „папочке“»

«Они не берут меня играть с собой»

«Опять за моей спиной говорят гадости, у-у-у»

Это, вероятно, был единственный недостаток того, чтобы не быть главой пути зла.

— С братом всё хорошо! — Мэн Хэцзэ вытер лицо и сквозь слёзы улыбнулся. — Прости, я просто очень рад.

Ложная тревога оказалась радостнее, чем неожиданное счастье.

— Говори правду, — сказал Сун Цяньци.

— На арене кто-то передал мне сообщение... — Мэн Хэцзэ коротко всё объяснил, умолчав о своей реакции.

— Вот оно что, — улыбнулся Сун Цяньци. — Я как раз ходил к озеру Яогуан за илом, никакой засады там не было. Они обманули тебя, чтобы сбить с толку. В следующий раз не верь. Ранен? Дай посмотреть.

— Пустяки, поплю — и всё пройдёт, — Мэн Хэцзэ опустил голову, сожалея. — Это я слишком погорячился, поддался на их уловку. Я не должен был быть таким жестоким. Я знаю, что «показательный бой» должен быть красивым, чтобы нравиться зрителям, но я не сдержался.

— Ты убил его? — нахмурился Сун Цяньци.

— Нет, — ответил Мэн Хэцзэ. — Я сломал ему руки.

«И ещё, кажется, несколько костей», — подумал он.

— Тогда ничего страшного, иди домой, умойся и ложись спать, — сказал Сун Цяньци. — Набирайся сил, завтра снова на арену.

Он посмотрел на семена лотоса в воде, и у него зачесались руки.

Разобравшись с проблемой Мэн Хэцзэ, Сун Цяньци наконец-то смог подойти к большим кадкам и начать засыпать в них ил.

Ил был мягким и полным жизни. Использовать его, чтобы бросаться в людей, было бы настоящим кощунством.

Чтобы у лотосов было достаточно места для роста, он, тщательно выбрав, посадил в каждую кадку только по два семечка.

Нежные ростки были направлены вверх, выглядя очень бодро.

— Я сварю тебе лапши перед уходом, хорошо? — снова услышал он голос Мэн Хэцзэ.

Юноша смотрел на него с надеждой в глазах.

— Ладно, я поем, — со вздохом ответил Сун Цяньцзи.

«За сто с лишним лет прошлой жизни я съел меньше, чем за эти несколько месяцев после перерождения!»

<http://bllate.org/book/16982/1589378>